

УДК 81'272
DOI 10.52452/19931778_2025_1_219

**ЛАКУНЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА»
(НА БАЗЕ ПЕРЕВОДА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

© 2025 г.

Ю.Н. Сандлер

Академия Russificate Kids, Испания

Sandler390@gmail.com

Поступила в редакцию 14.12.2024

Проанализированы способы передачи на испанский язык лексем, включенных в лексико-семантическую группу «Субъективные оценочные характеристики человека»: «добрый», «злой», «подлый», «вежливый». Приведенный анализ свидетельствует о лакунарности данных лексем в испанском языке, так как их однозначного перевода не встречается ни в романе, ни в русско-испанских словарях. Сделан вывод о том, что для выявления лакун необходимо использовать как толковые словари, так и переводы художественной литературы, которые представляют собой яркие примеры словоупотребления и способны демонстрировать нехватку в языках-реципиентах определенных лексических единиц.

Ключевые слова: безальтернативная лексика, лакунарность, лакуны абсолютные, лакуны относительные, лингвокультурология, языковая картина мира.

Качественное преподавание иностранных языков и корректный перевод невозможны без глубокого погружения в контекст языка мета. Еще в XIX веке, исследуя разные языки, немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства «являются в действительности различными мировидениями», а также что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [1, с. 370]. В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1836) Гумбольдт изложил концепцию взаимосвязи характера языка и характера народа, разрешив таким образом многие проблемы языкознания [2]. «Только в языке запечатлен весь национальный характер» [3, с. 303], – писал Вильгельм фон Гумбольдт, и это утверждение является одной из основ современной науки лингвокультурологии.

В XIX веке Иоганн Вольфганг Гёте провозгласил новое понимание своеобразия перевода, а также существование универсальных глубинных структур во всех культурах. Таким образом, возникло понимание возможной непереводимости, из которого позже возникнет представление о безэквивалентной лексике и лакунарности.

Академик Л.В. Щерба, в свою очередь, обращал внимание на формирование речевой организации индивида как на явление, объединя-

ющее членов одного языкового сообщества: «Поскольку... группа... представляет из себя полное единство, т. е. поскольку условия существования и деятельности всех ее членов будут одинаковыми и поскольку все они будут находиться в постоянном взаимном общении друг с другом, постольку для всех них языковой материал будет практически един: ведь каждая фраза каждого члена группы при таких обстоятельствах осуществляется одновременно для всех ее членов» [4, с. 28].

В связи с этим очевидны становятся различия в формировании речевой организации индивида в разных культурах и возможность появления в языках безэквивалентных лексических единиц, то есть таких, которые не могут быть переведены на другие языки без потери определенных коннотаций. Это явление имеет двойную номинацию в зависимости от того, оценивается его проявление с позиций исходного языка или языка-реципиента. В первом случае подобные лексемы получили название безэквивалентных лексических единиц. Во втором случае – лакун.

Термин «лакуна» впервые прозвучал в работе канадских лингвистов Жана-Поля Винэ и Жана Дарбиленэ «Сравнительная стилистика французского и английского языков: методология перевода» (Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation). Лингвисты утверждали, что в ряде случаев перевод с одного языка на другой осложнен в связи с отсутствием в языке-реципиенте соответ-

ствующей языковой единицы: ее нет или из-за отсутствия реалии (как, например, русское слово «самовар», который передается на другие языки посредством транслитерации – *matrioshka*), или из-за неясности, недостаточной отчетливости понятия для носителей других языков (русское слово «тоска» по отношению к английскому языку). Как отмечают Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбильтэ, поскольку доступные языковые формы выражения никогда полностью не исчерпывают потенциальных элементов, которым можно дать название, неудивительно, что они редко бывают одинаковыми в обоих языках. Каждый исходный язык имеет свои пробелы, которые не обязательно совпадают с пробелами в языке-реципиенте. Переводчики должны учитывать тот факт, что в исходном языке есть слова, не имеющие соответствия в переводе. «Означаемое может не существовать или не признаваться ни на одном из двух языков; или он может существовать в обоих, но быть названным независимо только в одном из них. В таких случаях также можно предположить, не является ли упущение признаком того, как мало значения придается рассматриваемому понятию в соответствующем языковом сообществе» [5, с. 65]. Теория лакун получила широкое распространение в советской, а затем и в российской лингвистике. Начало исследования феномена лакунарности связано с именем лингвиста Ю.С. Степанова, который также первым предложил свою классификацию лакун. До настоящего времени единой классификации не представлено, однако большинство лингвистов сходятся во мнении относительно существования межъязыковых (то есть тех, что выделяются при сопоставлении языков) и внутриязыковых лакун (которые можно выделить при сопоставлении парадигм одного языка). Ю.С. Степанов также предлагал выделять абсолютные и относительные межъязыковые лакуны в зависимости от частоты употребления в языке мета. В.Л. Муравьев предлагает называть абсолютными лакунами те, которые связаны с отсутствием у носителей данного языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие, лексически зафиксированное в другом языке [6]. Относительными лакунами Ю.С. Степанов считает те лексические единицы, которые хотя и существуют в языке мета, но употребляются очень редко. По критерию внеязыковой обусловленности выделяют мотивированные и немотивированные лакуны. Мотивированными являются лакуны, которые отмечаются в языке-реципиенте в связи с отсутствием той или иной реалии в стране бытования этого языка. Неслучайно советская лексема

«большевик» не переводится на большинство языков, а передается методом транслитерации – *bolshevik*. Для большинства языков абсолютной лакуной является испанское слово «*jamón*», так как традиционный специфический способ приготовления этого мясного деликатеса, а также его внешний вид, встречается только в Испании.

В данной работе рассмотрены лакуны лексико-семантической группы «Субъективные оценочные характеристики человека». Данная группа является важной частью языковой картины мира, которая характеризуется антропоцентричностью: «мир рассматривается с точки зрения человека и явления мира классифицируются и оцениваются в связи с их функциональной нагруженностью в данном социуме» [7, с. 8]. Языковая картина мира фиксирует когнитивный антропоцентрический опыт предыдущих поколений, наделяя им будущие поколения, она консервативна, однако способна подстраиваться под выполнение новых задач старыми средствами.

Лексико-семантическая группа «Субъективные оценочные характеристики человека» включает в себя слова и выражения, которые отражают личные взгляды, мнения, оценки и переживания человека. Эти характеристики являются субъективными, то есть они зависят от индивидуальных особенностей и опыта каждого человека. Эти слова и выражения часто используются для выражения эмоций и оценки взглядов и чувств человека в различных ситуациях, таких, как общение, описание, рецензирование и т.д. Они могут использоваться как в положительном, так и в отрицательном контексте и помогают выразить эмоциональную реакцию на определенные явления и события в окружающем мире.

Рассмотрим некоторые лексемы, которые можно включить в данную лексико-семантическую группу, через призму лакунарности. Материалом для данной работы послужил перевод на испанский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненный в 60-х годах XX века переводчицей Амайей Лакаса Санча.

Лексема «вежливый» и дериваты могут служить ярким примером межъязыковой лакуны. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова объясняет слово «вежливый» как «учтивый, благовоспитанный, приличный», а в толковании лексемы «вежливость» также добавляется значение «соблюдение бытовых приличий» [8, т. 1, с. 241]. Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой объясняет «вежливый» как «соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый» [9, с. 152], а в Большом толко-

вом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова – «чуждый грубости, предупредительный, услужливый, выражающий учтивость, исполненный учтивости» [10, с. 115–116]. Современный испанско-русский русско-испанский словарь под редакцией Е.Е. Платоновой и А.Е. Шерстнева дает несколько переводов для лексической единицы: *cortés, urbano; gentil* (любезный); *político* (учтивый). В испанском переводе романа «Мастер и Маргарита» нет унифицированного перевода лексемы «вежливый» и дериватов, кроме того, представлены варианты, не указанные в словаре:

Тут он **вежливо** снял берет [11, с. 276]; *Diciendo esto se quitó la boina con elegancia* [12, с. 20];

В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически **вежливо** сказал Берлиоз [11, с. 277]; *En nuestro país nadie se sorprende porque uno sea ateo –dijo Berlioz con delicadeza y diplomacia* [12, с. 22];

«Черт, все слышал,» – подумал Берлиоз и **вежливым** жестом показал, что в предъявлении документов нет надобности [11, с. 283]; «¡Diablos!, nos ha oído», pensó Berlioz indicándole **con un ademán** que los documentos no eran necesarios [12, с. 28];

Каифа **вежливо** поклонился [11, с. 304]; *Caifás se inclinó finamente* [12, с. 53];

Да джаз, да **вежливая** услуга! [11, с. 324]; ¡Y el jazz, y el servicio **amable**! [12, с. 79];

Рюхин сконфузился до того, что не посмел поднять глаза на **вежливого** доктора [11, с. 333]; *Riujin se azoró hasta el punto de que no se atrevía a levantar los ojos al correcto doctor* [12, с. 92].

Отсутствие унифицированного перевода лексемы «вежливый» и ее дериватов позволяет отнести слово к лакунам в испанском языке. Можно предположить, что данная лексическая единица является относительной немотивированной лакуной.

Следующей лексемой, лакунарность которой подтверждается испанским переводом романа «Мастер и Маргарита», является субъективная оценочная характеристика человека «подлец» и ее дериват «подлый». Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова к лексеме «подлец» дает помету «бранный, разговорный» и объясняет ее как «низкий, подлый человек» [8, т. 3, с. 402]. В свою очередь, слово «подлый» в словаре толкуется как «бесчестный, низкий, презренный», а также как лексема, ранее имевшая иное значение и не предполагающая бранного оттенка: «принадлежащий к крестьянскому, податному сословию» [там же, с. 403]. Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой объясняет лексему «подлец»

как «подлый человек, негодяй» с пометой «престоречное» [9, с. 1339], а «подлый» – как «низкий в нравственном отношении, бесчестный» [там же, с. 1340]. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова приводит следующие значения для лексемы «подлец»: «подлый, низкий, бесчестный человек, негодяй» [10, с. 870] – и для слова «подлый» также несколько значений: «низкий, бесчестный, очень плохой, скверный», а также «принадлежащий по рождению к низкому, податному сословию, неродовитый» [там же]. Современный испанско-русский русско-испанский словарь под редакцией Е.Е. Платоновой и А.Е. Шерстнева переводит лексему «подлец» как *canalla* и *infame*, а «подлый» – как *infame, vil, ruin, bajo*. Примеры из испанского перевода романа М.А. Булгакова демонстрируют отсутствие единого подхода к передаче значений слов «подлец» и «подлый»:

И повесил трубку, **подлец** [11, с. 367]; ¡Y el muy **canalla** colgó el auricular! [12, с. 135];

Подлый же Фагот, и он же Коровьев, прокричал [11, с. 397]; *El infame Fagot, alias Koróviev, gritó* [12, с. 174];

Среди лиц, садившихся со мною за пиршественный стол, попадались иногда удивительные **подлецы**! [11, с. 476]; *Entre la gente que se ha sentado conmigo a la mesa en una fiesta, ¡había a veces verdaderos sinvergüenzas!*...[12, с. 271];

– Ах ты **подлец**, – задумчиво сказал Воланд. [11, с. 527]; – *Eres un granuja* – dijo Voland pensativo [12, с. 330].

В испанском переводе романа «Мастер и Маргарита» к вариантам, представленным в словаре, добавляются еще два: *sinvergüenzas* и *granuja*. Королевская академия испанского языка (RAE, научное учреждение, целью которого является изучение испанских языка и литературы, а также выполнение функции регулятора языковой и литературной нормы современного испанского языка во всех территориях его бытования) объясняет лексему *sinvergüenzas* как «плут, мошенник, человек, совершающий незаконные действия в свою пользу или погрязший в безнравственности», а лексему *granuja* в основных значениях практически так же, добавляя к этому «бродяга». Денотаты указанных лексем, действительно, частично перекликаются с русским «подлец», «подлый», однако ни одна из испанских лексем не передает всего объема значения русской лексической единицы. Это дает основание включить лексему «подлец» («подлый») в перечень межъязыковых относительных немотивированных лакун испанского языка.

Ярким примером немотивированной лакуны в испанском языке является русская лексема

«добрый». Эта лексическая единица представлена в романе М.А. Булгакова как в полной, так и в краткой форме «добр».

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова приводит шесть значений лексемы «добрый»: 1. Делающий добро другим; благожелательный, отзывчивый, обладающий мягким характером. 2. Хороший, нравственный. 3. Дружески близкий, приятный (разг.). 4. Хорошего качества, добротный (нар.-поэт. обл.). 5. Незапятанный, безукоризненный, достойный, честный. 6. Подлинный, действительный, полномерный, не меньший чем ... (разг.) [8, т. 1, с. 727].

В Толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается семь значений лексемы «добрый», к указанным в словаре Д.Н. Ушакова добавлен «несущий благо, добро, благополучие» [9, с. 401]. В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова приведено шесть значений лексемы «добрый», в том числе «готовый помочь людям», «свойственный благожелательному, отзывчивому человеку», «связанный с кем-то взаимным расположением», «приносящий удачу, успех, благоприятный», «ничем не запятанный, достойный уважения» [10, с. 264–265]. Все толковые словари приводят большое количество устойчивых словосочетаний с лексемой «добрый»: «добрый день», «старые добрые времена», «добрых 15 км», «будьте добры», «всего доброго» и так далее [8, т. 1, с. 727; 9, с. 401; 10, с. 264–265]. Следует отметить, что первоначально лексема *добрый* имела широкое значение и была связана прежде всего с добротелью и всем хорошим, полезным, нужным. С течением времени значение лексемы сузилось [13, с. 2]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля «добрый» толкуется через призму материального: «добротный, доброкачественный, хороший; о скоте: полный, дородный, сытный; о человеке: сведущий, усердный, исправный; добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу; мягкосердый, жалостливый» [14, с. 443]. Однако в современных толковых словарях духовный денотат первичен, в словарях первыми значениями зафиксированы «делающий добро другим», а материальное значение лексемы «добрый» только – шестом или седьмом месте. Когнитивная дефиниция концепта «добрый» содержит в себе оценку, имеющую в русской картине мира глубокое философское и психологическое обоснование. «Добрый человек выступает как высшая ценность для общества, так как он правдив, милосерден, живет согласно христианским заповедям» [13, с. 4]. Добрыми могут быть все окружающие человека люди, добрыми мо-

гут быть абстрактные понятия, связанные с эмоциональной и умственной деятельностью человека. Как отмечают В.Н. Бурчинский и А.О. Медведева, концепт «добро» в русской языковой картине мира характеризуется как наиболее общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности, который характеризуется нравственными ценностями (искренность, благо, бескорыстие, нравственность, благочестие, стремление помочь); «это отражение высшей силы в лице Бога, который является главным представителем и источником добра; к добру относится все то, что соответствует морали, связано с такими понятиями, как счастье, любовь и свобода» [15, с. 12].

Таким образом, концепт «добрый» является одним из ключевых для русской культуры, вошедшим в себя большое число значений, связанных с положительными моральными качествами. Современный испанско-русский русско-испанский словарь под редакцией Е.Е. Платоновой и А.Е. Шерстнева переводит лексему «добрый» как *bueno*, *bondadoso*, а также *entero* (целый) [16, с. 513]. RAE определяет прилагательное «*bondadoso*» как «полный доброты, кроткий», а для «*bueno*» дает 10 толкований: 1. Имеющий положительную ценность, согласно качествам, которые могут быть приписаны по природе или судьбе. 2. Полезное и специально для чего-то. 3. Вкусное, аппетитное, приятное, веселое. 4. Большой (|| который превышает обычный). 5. Здоровый. 6. Простой, добродушный или эпатажный. 7. То, чем еще можно пользоваться, что не испорчено. 8. Достаточное. Девятое и десятое значение связаны с футбольной терминологией в некоторых странах Латинской Америки. Среди значений нет тех, которые были бы связаны с положительными моральными качествами. Следует отметить, что испанское прилагательное «*bueno*» употребляется в словосочетаниях, связанных с приветствиями, так же, как и русское слово «добрый»: «*Buenos días*» (добрый день, доброе утро), «*Buenas tardes*» (добрый вечер), «*Buenas noches*» (доброй ночи). Лексема «*bondadoso*», как следует из анализа Корпуса испанского языка, употребляется значительно реже, чем «*bueno*». Несмотря на это, трудно считать прилагательное «*bueno*» эквивалентным русской лексеме «добрый» из-за несовпадения объема значений. В испанском переводе романа «Мастер и Маргарита» в большинстве случаев в качестве варианта передачи значения «добрый» использована лексема «*bueno*»:

– **Добрый** человек! Поверь мне... [11, с. 286];
– ¡**Buen** hombre! Créeme... [12, с. 32];

– Это меня ты называешь **добрым** человеком? [11, с. 286]; – ¿Me llamas a mí **buen hombre**? [12, с. 32];

– Эти **добрые** люди, – заговорил арестант [11, с. 288]; – Estos **buenos hombres** – dijo el detenido [12, с. 35];

– Этих **добрых** людей я не знаю, – ответил арестант [11, с. 290]; – A esos **buenos hombres** no les conozco – contestó el detenido [12, с. 41];

Муж ее был молод, красив, **добр**, честен и обожал свою жену [11, с. 484]; Su marido era joven, apuesto, **bueno** y honrado y quería a su mujer con locura [12, с. 281];

– Прокуратор слишком **добр**! [11, с. 577]; – ¡El procurador es demasiado **benévolo**! [12, с. 388].

Как уже сообщалось выше, предлагаемые варианты перевода не обладают полным объемом значений, который имеется у русской лексемы «добрый», или, как в случае с лексемой «bondadoso», не характеризуются аналогичной частотой использования. На этом основании лексическую единицу «добрый» следует отнести к немотивированным межъязыковым лакунам испанского языка.

Добро в русской картине мира является противоположностью зла, а «добрый» – антонимом к прилагательному «злой». Анализ перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на испанский язык демонстрирует лакунарность данной лексемы. В романе предлагаются следующие варианты перевода:

Злая вороная взмокнувшая лошадь шарахнулась, поднялась на дыбы [11, с. 305]; Su caballo, mojado, negro y **feroz**, viró hacia un lado y se encabritó [12, с. 57];

И вот она сперва много плакала, а потом стала **злая**... [11, с. 509]; Se pasó mucho tiempo llorando y luego **se enfadó**... [12, с. 310];

Злых людей нет на свете [11, с. 293]; No hay hombres **malos** en la tierra [12, с. 41];

– Мне не нужно знать, – придушенным, **злым** голосом отозвался Пилат [11, с. 295]; – No quiero saber – contestó Pilatos con una voz ahogada y **dura** [12, с. 43];

Га Ноцри уходил навсегда, и страшные, **злые** боли прокуратора некому излечить... [11, с. 301]; Ga-Nozri se iba para siempre y nadie podría calmar los horribles dolores del procurador... [12, с. 50];

Тот сидел совершенно неподвижно, со **злым** лицом... [11, с. 333]; Iván Nikoláyevich, que permanecía inmóvil, con cara **de mal humor**... [12, с. 91];

Римский постарался изобразить на лице улыбку, от чего оно сделалось кислым и **злым** [11, с. 386]; Rimski esbozó una sonrisa y su expresión se hizo más agria y **hosca** [12, с. 161].

Лексема «злой» в испанском переводе романа представлена следующими вариантами: **feroz** (свирепый, кровожадный, жестокий – здесь и далее перевод взят из Современного испанско-русского русско-испанского словаря под редакцией Е.Е. Платоновой и А.Е. Шерстнева), **enfadado** (сердитый, раздражённый; недовольный), **malo** (1) плохой, нехороший, 2) вредный (для здоровья) 3) больной, нездоровый), **duro** (1) твёрдый, жёсткий; 2) прочный, крепкий 3) грубый, резкий (о голосе и т. п.); 4) строгий, суровый 5) тяжёлый), **de mal humor** (в плохом настроении), **hosco** (1) неприветливый, мрачный (о человеке) 2) пасмурный, сумрачный (о дне)), а также в одном из случаев оставлена без перевода. Этот же словарь переводит лексему «злой» на испанский язык как 1. **malo, ruin; perverso, dañino** (причиняющий зло); он ~ человек es persona mala; злое лицо cara **maligna**; злые глаза ojos **malignos**; злая собака perro **rabi-oso** 2. перен **terrible**; ~ мороз frío muy crudo; злая горчица mostaza **picante/aguda** [16, с. 543]. Таким образом, для лексемы «злой» словарь предлагает еще семь вариантов перевода.

Согласно толковым словарям, «злой» – это «охваченный, проникнутый злом», «дурной, недобрый, бедственный», «исполненный злобы, злости», «причиняющий боль, вред; жестокий», «едкий, острый», «ядовитый, опасный», «тяжелый, жестокий, неизлечимый» [8, т. 1, с. 1103], «рок (несчастливая судьба)», «причиняющий сильную неприятность, боль, жжение; сильный, крайний по степени своего проявления (разг.)» [9, с. 558], «наполненный чувством вражды, недоброжелательности», «сердитый на кого-, что-либо, испытывающий злость», «свирепый, лютый, хищный» (о животных), «губительный, бедственный» [8, т. 1, с. 1103; 9, с. 558; 10, с. 366]. Значительный денотативный и коннотативный объем лексемы обуславливает сложность ее перевода на испанский язык и подтверждает необходимость использовать многочисленные варианты для передачи того или иного значения или коннотации, которые прочитываются в исходном тексте. Лексема «злой», равно как и ее антоним «добрый», является немотивированной и относительной лакуной для испанского языка. Для оптимального перевода специалисту требуется глубокий анализ контекста употребления лексемы.

Перечисленные примеры, несомненно, представляют собой лишь малую часть лакун лексико-семантической группы «Субъективные оценочные характеристики человека». Например, дериваты лексем «работа» и «труд» (работоспособный, работающий, трудолюбивый, трудоспособный) не находят однозначного эквивалента в

испанском языке и передаются либо аналитической конструкцией (*apto/capaz de trabajar*, подходящий для работы, способный работать), либо субстантивированным прилагательным *trabajador* [16, с. 734, 802]. В романе М.А. Булгакова данные лексемы не встречаются, однако они могут стать предметом исследования на материале переводов других произведений литературы и публицистики.

Данная работа демонстрирует, что для выявления лакун необходимо использовать как толковые словари, так и переводы художественной литературы, которые представляют собой яркие примеры словоупотребления и способны продемонстрировать нехватку в языках-реципиентах определенных лексических единиц (в силу как языковых, так и вневелингвистических причин) для наиболее полной и всеобъемлющей передачи идей, реалий и концептов. Работа по выявлению лакун должна быть продолжена в целях оптимизации перевода и системы преподавания иностранных языков.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
2. Панченко В.А. Вильгельм Фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 396–401. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vilgelm-fon-gumboldt-vnutrennyaya-forma-yazyka-kak-otrazhenie-samobytnosti-etnicheskoy-kultury> (дата обращения: 03.02.2023).
3. Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 356–362.
4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
5. Vinay J.P., Darbelnet J. Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins Publishing, 1995 [Benjamins Translation Library. Vol. 11].
6. Муравьев В.Л. Лексические лакуны. Владимир: Вл. пед. ин-т, 1975. 97 с.
7. Ерофеева Е.В., Пепеляева Е.А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 1. С. 7–19.
8. Толковый словарь русского языка в 4 томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Изд-во «Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1939.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010. 874 с.
10. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
11. Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Юнацва, 1988. 670 с.
12. Bulgakov M.A. El Maestro y Margarita. Caracas: El perro y la rana, 2017. 490 с.
13. Романовская Е.П. Оценочная составляющая концепта «добрый» в русской фразеологии // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 140–144. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/81663091.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).
14. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. В.И. Даля: в 4 т. М.: Русский язык, 2003. Т. 1. 443 с.
15. Бурчинский В.Н., Медведева А.О. Концепты «добро» и «зло» в русской языковой картине мира и в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2017. 13. С. 10–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-dobro-i-zlo-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-i-v-romane-vladimira-dudintseva-belye-odezhd> (дата обращения: 03.02.2023).
16. Платонова Е.Е., Шерстнев А.Н. Современный испанско-русский русско-испанский словарь. М.: АСТ, 2013. 863 с.

LEXICAL GAPS OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP «SUBJECTIVE EVALUATION CHARACTERISTICS OF A HUMAN» (BASED ON THE TRANSLATION OF THE NOVEL «MASTER AND MARGARITA» BY M.A. BULGAKOV INTO SPANISH)

Y.N. Sandler

The article analyzes the ways of translating into Spanish the lexemes included in the lexical-semantic group «Subjective evaluative characteristics of a person»: «kind», «evil», «vile», «polite». The above analysis testifies to the lacunarity of these lexemes in the Spanish language, since their unambiguous translation is not found either in the novel or in Russian-Spanish dictionaries. It is concluded that in order to identify lexical gaps or lacunae, it is necessary to use both explanatory dictionaries and translations of fiction, which are vivid examples of word usage and are capable of demonstrating the lack of certain lexical units in the target languages.

Keywords: lacunarity, lexical gap, lacunae, translation, non-alternative vocabulary, human characteristics, Russian-Spanish translation.

References

1. Humboldt V. Language and philosophy of culture. M.: Progress, 1985. 448 p.
2. Panchenko V.A. Wilhelm Von Humboldt. The internal form of language as a reflection of the originality of ethnic culture // News Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen University. 2010. № 124. P. 396–401. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vilgelm-fongumboldt-vnutrennyaya-forma-yazyka-kak-otrazhenie-samobytnost-etnicheskoy-kultury> (Date of access: 03.02.2023).
3. Zvegintsev V.A. On the scientific heritage of Wilhelm von Humboldt // Humboldt V. von. Selected works on linguistics. M.: Progress, 1984. P. 356–362.
4. Shcherba L.V. Language system and speech activity. L.: Science, 1974. 428 p.
5. Vinay J.P., Darbelnet J. Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins Publishing, 1995 [Benjamins Translation Library. Vol. 11].
6. Muraviev V.L. Lexical gaps. Vladimir: Vladimir Pedagogical Institute, 1975. 97 p.
7. Yerofeeva E.V., Pepelyaeva E.A. The structure of the semantic field «Man» in the minds of native speakers of the Russian language // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2011. № 1. P. 7–19.
8. Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes / Ed. by D.N. Ushakov. M.: Publishing house of the State Institute of the Soviet Encyclopedia, 1935–1939.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language. M.: Onyx, 2010. 874 p.
10. Kuznetsov S.A. The Great explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint, 2000. 1534 p.
11. Bulgakov M.A. The White Guard. The Master and Margarita. Minsk: Yunatsva, 1988. 670 p.
12. Bulgakov M.A. El Maestro y Margarita. Caracas: El perro y la rana, 2017. 490 p.
13. Romanovskaya E.P. The evaluative component of the concept of «kind» in Russian phraseology // Bulletin of the Polotsk State University. Series A. Humanities. 2016. № 10. P. 140–144. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/81663091.pdf> (Date of access: 04.02.2023).
14. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / Edited by V.I. Dahl: in 4 volumes. M.: Russian Language, 2003. Vol. 1. 443 p.
15. Burchinsky V.N., Medvedeva A.O. Concepts of «good» and «evil» in the Russian linguistic worldview and in Vladimir Dudintsev's novel «White Clothes» // Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages. 2017. 13. P. 10–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/RussianRussianDictionaryn/kontsepty-dobro-i-zlo-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-i-v-romane-vladimira-dudintseva-belye-odezhdy> (Date of access: 03.02.2023).
16. Platonova E.E., Sherstnev A.N. Modern Spanish-Russian Russian-Spanish dictionary. M.: AST, 2013. 863 p.